

УДК 14; 81-13

DOI 10.18522/2227-8656.2020.4.14

**КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ
КАЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ
КУЛЬТУРНО-ВРЕМЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ
КОММУНИКАЦИЕЙ**

**A COGNITIVE MODEL OF
QUALITY IN THE CONTEXT
CULTURAL AND TEMPORARY
COMMUNICATION
MANAGEMENT**

Каширина Ольга Валерьевна

Доктор философских наук, доцент,
профессор,
Северо-Кавказский федеральный
университет,
г. Ставрополь, Россия,
e-mail: okashirina@mail.ru

Olga V. Kashirina

Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Professor,
North Caucasus
Federal University,
Stavropol, Russia,
e-mail: okashirina@mail.ru

Шибкова Оксана Сергеевна

Доктор филологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
иностранных языков для гуманитарных
и естественно-научных специальностей,
Северо-Кавказский федеральный
университет,
г. Ставрополь, Россия,
e-mail: oksana_shib@mail.ru

Oksana S. Shibkova

Doctor of Philological Sciences,
Professor, Head of the Department
of Foreign Languages for Humanities
and Natural Sciences,
North Caucasus
Federal University,
Stavropol, Russia,
e-mail: oksana_shib@mail.ru

Развивая ранее опубликованные в монографиях и статьях идеи в русле междисциплинарного, философско-лингвистического подходов, авторы статьи используют концепцию советских и постсоветских ученых С.П. Курдюмова, С.П. Капицы, Г.Г. Малинецкого и др., выдвинувших идею о приме-

Developing ideas previously published in monographs and articles in the context of interdisciplinary, philosophical and linguistic approaches, the authors of the article use the concept of Soviet and post-Soviet scientists S.P. Kurdyumov, S.P. Kapitsa, G.G. Malinetsky and others, who put forward the idea of using as a

нении в качестве нового регулятора, программирующего «смыслы из будущего», который работает на антропном принципе. Предлагается ввести понятие «культура коммуникативного времени» в роли культурно-измерительного элемента реализации этого принципа. Рассматривается методология изучения качества смыслов.

new controller programming «meanings from the future», which works on the anthropic principle. The concept of «culture of communicative time» as a cultural and measuring element of the implementation of this principle is proposed in the article. The methodology of studying the quality of meanings is considered.

Ключевые слова: языковая политика; качества смыслов; когнитивная модель качества; культура коммуникативного времени.

Keywords: language policy; quality of meanings; cognitive model of quality; culture of communicative time.

1. Языковая политика: целостный, междисциплинарный подход

На заседании Совета по русскому языку при Президенте России 5 ноября 2019 г. В.В. Путин заявил о необходимости «активной и целостной языковой политики, которая обеспечит сохранение и развитие русского языка, отечественной литературы и в России, и за рубежом»¹. Участники заседания активно поддержали это требование, подчеркивая роль школы и вузов в языковой политике, роль междисциплинарной науки. При этом отмечалось, что число носителей русского языка в ближнем и дальнем зарубежье стабильно уменьшается вот уже три десятилетия после распада СЭВ и Варшавского договора, а затем и СССР. Если в 1990 г. число носителей русского языка составляло по миру более 312 млн человек, то сегодня эта цифра уменьшилась до 250 млн. И несмотря на то что русский язык по-прежнему занимает 6-е место в мире по распространенности, доля его носителей сократилась с 5,9 % в 1990 г. до 3,6 % в настоящее время.

Приведенные слова и цифры говорят о том, что нужна не простая языковая политика, а качественная (активная и целостная, т. е. правильная, а следовательно, результативная). Поэтому перед гуманитариями встала задача междисциплинарного сотрудничества (Каширин, 2015. С. 84). А философия стоит перед проблемой качества смысла и общественного знания языковых структур, их содержательных и функциональных ролей, их специфического развития в переходные цивилизационные периоды.

Когнитивные модели качества. Ученые Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) на протяжении ряда лет увлечены междисциплинарными, и естественно-научными, и гуманитарными исследованиями, с участием философов, лингвистов, филологов, логи-

¹ Заседание Совета по русскому языку. 5 ноября 2019 г. Москва, Кремль. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986>.

ков, когнитиков. Исследуются логико-философские и филологические аспекты категории «качество», прослеживается путь этого феномена от формальной логики до когнитологии. Формируется современное представление о качестве, исследуется «качественное слово». Значительным достижением исследователей явилось обоснование и построение профессором О.С. Шибковой универсальных *когнитивных моделей качества (КМК)*. Выделены КМ двух основных типов качества: а) КМ качеств, сформированных в результате физического контакта человека с предметами и явлениями; б) КМ качеств, сформированных в результате коммуникации человека с себе подобными в различных сферах социальной деятельности (Шибкова, 2006. С. 104).

Сложилось сотрудничество филологов и лингвистов с группой философов, разработавших теорию культуры времени и культурно-временной подход (Каширина, 2007. С. 84), а также создающих практическую философию управления коммуникацией в контексте культуры времени (Каширина, 2018. С. 15). В междисциплинарном аспекте исследование выходит на перспективные проблемы становления практической философии управления коммуникацией и гуманитарной кризисологии. Однако, как известно, самыми главными в любом исследовании являются проблема методологии и проблема метода. От их разработки зависят и результаты исследования. В данном случае речь идет о том, как можно применить культурно-временной подход и когнитивную модель качества не только в процессе управления коммуникацией, но и для улучшения качества этого управления в смысловом поле информационного взаимодействия.

2. Методология изучения качества смысла в смысловых полях

В основе методологии изучения информационного взаимодействия в смысловых полях лежат следующие основные положения:

Во-первых, концепции В.И. Вернадского (1863–1945) – великого русского, советского энциклопедиста, основоположника учений о биосфере и ноосфере, энергии человеческой культуры, в частности, о динамическом равновесии в космосе живого и косного вещества как двух сторон одной медали, а следовательно, об их обязательном информационном взаимодействии и физически (через взаимодействия форм), и дистанционно (через действие общих законов), образуя новые формы биосферы в симбиозе с косным веществом (Вернадский, 1988. С. 25). Подобное взаимодействие в космосе представляется возможным после доказательства, что понятие формы может быть раскрыто как волновая

(полевая) структура (аура), контуры которой совпадают с пространственными особенностями того или иного объекта. Их тоже можно квалифицировать в качестве информационного взаимодействия (Дубров, 1989. С. 108). Такое дополнение современных ученых имеет особенное значение для доказательства взаимодействия смыслов в их виртуальных, коллективно-пространственных и индивидуально-временных параметрах, как следует из культурно-временного подхода.

Во-вторых, методологически важными являются доказательства великого советского и постсоветского математика, информатика, педагога, философа, академика РАН и других академий мира, последователя В.И. Вернадского – Н.Н. Моисеева (1917–2000) о научно-философской трактовке единой картины мира и переходе знания в понимание смысла. Такие доказательства позволяют обосновать необходимость немедленного создания и безотлагательной реализации единой глобальной *стратегии выживания человечества*. И хотя эти доказательства представлены еще в 1999–2000 гг., они являются злободневными и сегодня.

В-третьих, очень перспективными являются открытия известного советского психолога А.Н. Леонтьева (1903–1979), который впервые поставил проблему соотношения *личностного смысла* и *общественного значения* (1974) в смысловом поле информационного взаимодействия. Еще ранее (в 1964 г.) вместе с Е.П. Кринчик они пришли к идее двойственности психологической реальности, которая моделирует подачу информации *технической* системе связи, а не передачу коммуникационных человеческих смыслов (Леонтьев, 1964. С. 234–235). Эти открытия имеют огромное значение и сегодня для разработки методов преодоления и временной, и альтернативной (в том числе пространственной) неопределенности. Как известно, экономическая, политическая, климатологическая, идеологическая неопределенность характерна сейчас и для отдельных стран, и для глобального информационного поля смыслов. Итак, открытия А.Н. Леонтьева, включившего в структуру смыслового поля два важнейших компонента: личностный смысл и общественное значение, стали первым шагом к изучению смысловых полей в условиях альтернативной и культурно-временной неопределенности.

В-четвертых, методологически значимой явилась разработка структуры смыслового поля коммуникации. Дальнейшее развитие *теория структуры смыслового поля коммуникации* получила в контексте культуры времени и культурно-временного подхода. Теоретические выкладки и практические эксперименты подтверждают, что в такой структуре смыслового поля коммуникации *дрейфуют оценки/ценности*, сохраняя «динамическое равновесие» (В.И. Вернадский) между собой, ко-

торые в состоянии бифуркации сознания/самосознания, приближаясь, как в компасе, к полюсу личностного смысла, *приобретают смыслы мотивации*, а приближаясь к полюсу общественного значения, *приобретают значение целесообразности*.

Иначе говоря, смысловое поле цивилизационного субъекта, в контексте культурно-временного подхода, в разных пространственно-временных ситуациях, приближающихся к сильной неравновесности, приобретает или *общественное значение целесообразности*, или индивидуально-личностный *смысл мотивации*.

Кризисный характер таким ситуациям придают дрейфующие между индивидуальными смыслами мотивации и общественными значениями целесообразности *оценки/ценности*. Выход из кризиса означает установление динамического равновесия (баланса) между личностными смыслами мотивации и общественными значениями целесообразности. Например, Н.Н. Моисеев, анализируя глобальный смысло-языковой кризис между обществом и природой, называл такой баланс их коэволюцией (согласованное, синхронное развитие). Уже само признание наличия такого смысло-языкового кризиса, например, нарушение преемственности поколений или кризис доверия в международных отношениях, побуждает исследователей к изучению кризисных ситуаций, предкризисных и послекризисных.

Можно привести еще примеры прямого восприятия смыслов, порождаемых устной речью. В ораторском искусстве самым сильным считается прямое воздействие устной речи. Оно сравнивается с внутренним внушением «сами от себя». Внешнее восприятие письменного или напечатанного текста существует якобы не для памяти, а для припоминания. И тогда ученики будут казаться многознающими, оставаясь невеждами и трудными для общения, без письменных текстов. Противники этой точки зрения считают, что прямое (непосредственное) восприятие смысла (пропускание образов через зрение и слух) не дает возможности для дальнейшей интерпретации текста. А как ответит «междисциплинаристика» на вопрос о характере нынешней виртуальной коммуникации, в рамках которой идет обмен уже сконструированными образами, когда человеку вообще все необязательно слышать и уметь слушать, чтобы такой образ воспринять?

Еще пример личностного смысла и общественного значения.

«Смысл как воздух: когда он есть, его не замечают, когда он вдруг исчезает, наступает смерть». Эта чеканная фраза говорит нам в основном об индивидуальном характере смыслов, который определяется его ролью и в повседневной жизнедеятельности, и *в судьбе человека*.

Приведем и другой пример общественного значения смыслов и их влияния на массы. Все хорошо помнят слова, убедительно сказанные И.В. Сталиным в обращении к советскому народу в начале войны: «*Наше дело правое! Победа будет за нами!*» Эти слова вдохновляли людей и в бою, и в труде. Но как авторы обращения нашли тот мобилизующий смысл, который народ пронес всю войну до Победы? Ведь им удалось увязать войну как «правое дело» с исконно русским смыслом «правда», который вечно является краеугольным камнем русского общественного самосознания. Именно это слово «правда» порождает *смыслы прямого восприятия*: «праведность», «победа», «свобода», «справедливость».

В-пятых, формулирование КМК, о которой говорилось ранее, ставит еще одну методологическую проблему: соотношения внутренних и внешних факторов в этой модели. С точки зрения теории культуры времени и культурно-временного подхода главной методологической парадигмой является диалектико-триалектическая формула, в которой диалектика коллективно-пространственной горизонтали (диалектика динамики культуры) сочетается с триалектикой индивидуально-временной вертикали (золотая пропорция) времени исторического субъекта.

Диалектико-триалектическая парадигма, заменяя «устаревшую еще во времена Гегеля противоборствующую диалектику, а позже и диалектический материализм» (В.И. Вернадский), утверждает одним из своих универсальных принципов «системное единство внутренних, внешних и метавнешних факторов» (Каширин, 2014. С. 44). Видимо, в этом случае предстоит согласовать позиции теории КМК и диалектико-триалектической парадигмы. В данной статье уточним лишь некоторые моменты.

Принцип системного единства внутренних, внешних и метавнешних факторов. Секрет реализации этого принципа содержится, как ни странно, в глубоко запрятанных, тайных, глубоких смыслах. Скажем так: мотор всякого события, ситуации или процесса, рассматриваемых как целостность, в конечном итоге осознается как «*смысл смыслов*», будь это в самом начале – в момент осознания их состояния, целей и контуров будущего этого единства, будь то в середине реализации, где состояние и цели квалита (качества) смысла еще не имеют прозрачной ясности, будь то итог действий по завершении реализации. Этот законспирированный смысл – глубоко индивидуальный и личностный, как правило, является таким же секретным, как военная, экономическая, информационная, политическая или идеологическая тайна (общественная значимость).

Как говорил Гераклит из Эфеса (ок. 520 – ок. 460 лет до н. э.), древнегреческий философ, первым вышедший за рамки чисто натурфилософских построений мистики чисел и религиозно-этических исканий, «природа каждого такого отдельного единства любит скрываться», так как «сопряжение неявное явного крепче». Ввиду огромных трудностей филологического восстановления буквы и смысла дошедших текстов основателя диалектики, в том числе «Руководства к мудрости», до сих пор нет сколько-нибудь общепринятого понимания учения Гераклита. Одни исследователи считают, что он говорил о диалектике как о единстве двух противоположностей, а другие – как о единстве многих. Третьи не находят в гераклитовской диалектике никаких противоречий, в том числе взаимоисключающих, а тем более антагонистических. Логика проста: Бог мудр, а он, как известно, «любит троицу». Поэтому внутреннее (индивидуально-личностное) и внешнее (природно значимое для всех) не разъединяются в общем мире, а стремятся к единению. Гераклит был прав: все в мире (в том числе диалектика) стремится к гармонии.

Триалектика внутреннего, внешнего и метавнешнего факторов (переходное, промежуточное, возможное и глобально взаимодействующее со всеми и т. п.) в связи с этим так же, как и триалектика времени, не только взаимодополняет друг друга, но и взаимоисключает, образует «эффект четвертого измерения», открытый М. Хайдеггером (1889–1976) (Хайдеггер, 1991. С. 393).

Блестящий перевод статьи М. Хайдеггера «Время и бытие», который сделала А.С. Солодовникова и на который мы ссылаемся, по сравнению с холодным, отстраненным и, возможно, не очень точным переводом В.В. Биbihина в сборнике 1993 г. (М.: Республика), дает нам полное основание говорить, что переводчик А.С. Солодовникова полностью и тепло раскрыла перед читателем весь замысел сложнейшего философского текста. Понятно, что от переводчика художественного текста требуется совсем другое: сделать читателя соавтором, сопереживателем героям книги, домысливающим, достраивающим описанные события. Однако и автор перевода книги, и автор переводимого текста имеют свой смысл в своей работе.

В докладе М. Хайдеггера в 1962 г., когда он сделал свое «переоткрытие времени», назвав его «Время и бытие» (сравним с книгой «Бытие и время», которую он опубликовал на 35 лет раньше – в 1927-м), он прямо признал, что «попытка же, сделанная в “Бытии и времени”, § 70, свести пространственность здесь – бытия (Dasein) к временности не получилась». Раскрывая этот секрет, автор доклада называет и главную причину того, что он не достиг цели в первой книге: он не определился с

особым смыслом, который автор вкладывает в слово «предмет». «Выбрав предметом исследования “бытие и время”, “время и бытие”, мы должны следовать мыслью за названными предметами *предусмотрительно*. Предусмотрительно – это означает прежде всего: не нападать опрометчиво на эти предметы с помощью непроверенных представлений, а, напротив, тщательно размышлять о них... Слово “предмет”, “какой-то предмет” должно означать для нас теперь то, о чем идет речь, должно иметь *особый смысл*, отныне руководящий, поскольку в нем скрывается нечто непреодолимое. Бытие – некий предмет, вероятно, предмет мышления. Время – некий предмет, вероятно, предмет мышления, раз в бытии как присутствию говорит нечто такое, как время. Бытие и время, время и бытие называют такое положение дел, такое взаимное отношение обоих предметов, которое имеет оба предмета друг к другу и выносит их отношения. Следовать мыслью за этим положением дел, за этим отношением предметов – вот что задано мышлению, при условии, что оно по-прежнему готово стойко ждать свои предметы» (Хайдеггер, 1993. С. 83).

Вот, оказывается, в чем «смысл смыслов» обоих трудов М. Хайдеггера! Надо исследовать наряду с предметами и их отношения, взаимно складывающиеся. Только тогда исследования будут целостными, полными и правильными.

И к каким же выводам приходит автор обоих трудов, полностью реализуя свой замысел? Глубокие цели качественного смысла приводят к глубоким выводам: 1) автор открывает эффект четвертого измерения в системе социальной коммуникации, протекающей во времени и бытии; 2) следствием этого эффекта оказалась первичность и бытия, и времени: «в отношении предмета “бытие” и в отношении предмета “время” мы останемся предусмотрительными. Мы не скажем: бытие есть, время есть, а будем говорить: дано бытие и дано время. Этой переменной мы изменим лишь словоупотребление. Вместо “это есть” мы говорим “это имеет место”, “дано”» (Хайдеггер, 1993. С. 393). Многие философы тоже становятся предусмотрительными и осторожно пишут о «функциональной первичности времени» и «функциональной первичности бытия» (Каширин, 2017. С. 99); 3) открытие М. Хайдеггером четвертого измерения времени является выдающимся. Оно коренным образом изменяет традиционные основы современной коммуникологии и философии управления коммуникацией. Оно расширяет предметы этих наук до универсальности «связи времен» и «преемственности поколений», а это значит – до человека и общества. Оно доказывает, что ни первичность времени, ни первичность бытия не могут дать ответа, что важнее из них.

Основной вопрос философии нерешаем! И лишь после 35 лет размышлений о смысле, его качестве и количестве гений признал и исправил свою ошибку. Оказывается, бытие небытийствует само по себе. Для этого ему нужен человек. Тройственный мир времени человека объединил «схватыванием» и внутренний мир иллюзий, и внешний мир вещей. В результате такого информационного взаимодействия внутреннего и внешнего миров основной вопрос философии снимается. Возникает переходная (метавнешняя), промежуточная структура, которую М. Хайдеггер называет четвертым (первым) измерением времени и которую испокон веков в философии, в том числе русской, называют плеромой. Плерома и является той переходящей структурой, о которой не скажешь, что оно дано. Нет. Оно имеет место, создается разумом и деятельностью человека, которые начинаются с творческого замысла, с начального «мыследействия», обязательно приводящего к диалектической гармонии (Гераклит), к «золотой пропорции» (Евклид, около 300 г. до н.э.), материализуется и объективизируется в переходной структуре под названием «плерома».

Может ли быть плерома синонимом стабильности и определенности? Уточним вопрос: можно ли посредством синтезной, промежуточной структуры (метавнешней), соединяющей внешние и внутренние факторы, создать такую социоприродную структуру, которая в силу своей синтезности и многосторонности могла бы обеспечить (разумеется, при активном участии исторического субъекта) стабильное развитие всего глобального «сверхобщества, человечника» (А.А. Зиновьев), если будет создана и реализована стратегия выживания человечества (Н.Н. Моисеев)?

Для начала рассмотрим, что такое плерома? С самых древних времен плерома в обществе рассматривалась как отношения между сильными и слабыми, подобно пищевой цепи, т.е. естественно-неравновесными. В природных процессах рассматривались как обязательные для космоса, биосферы и т.п. Например, дарвиновская триада «изменчивость, преемственность, отбор».

Категория «плерома» в русской философии возвращает нас к традиции единства множественности Г. Нисского, а в русской философии – к философии вселенскости Вл. Соловьева и Вяч. Иванова, к идее соборности А.С. Хомяков – это образ церкви, «в котором множество членов образуют живое жизненное единство».

В современных науках этот термин широко используется в междисциплинарном значении производного (от греч. *pleroma* – «полнота, обилие, множество») как промежуточная, переходная зона становления, формирования целостностей: например, в ботанике – как внутренний

слой первичной ткани в вершечной зоне роста растений. Характерно для понимания плеромы как становления описание в астрофизике черных дыр и белых дыр, сделанное К. Саганом. Оказывается, галактики находятся в динамическом равновесии между синтезом и распадом, которое представляет собой нечто большее, нежели сумму их частей. Открытие квазаров – гигантских пульсаров – белых дыр доказало, что они являются обратной стороной черных дыр, через которые выбрасывается материя, втянутая многочисленными черными дырами в других частях Вселенной и даже других вселенных (Саган, 2004. С. 366). В этом промежуточном состоянии формируется упорядоченный космос.

Ближе к трансдисциплинарности (к связи не только между отдельными науками, но и целыми научными культурами – гуманитарными, естественно-научными, философскими) обнаружили свои позиции авторы синергетического научно-философского метода И.Р. Пригожин и И. Стенгерс, сделавшие гениальное открытие диссипативных структур, которые, рассеивая энергию в виде энтропии, приводят к бифуркации (точка раздвоения) и затем к полифуркации (множественность деления), которая фиксирует сильную неравновесность систем, усиливая роль малых флуктуаций (случайные отклонения) в «нужный момент, и приводит к преимущественному выбору одного пути из ряда априори одинаково возможных» (Пригожин, 1986. С. 235). Таков механизм самоорганизации систем, который работает во всех видах структур – в биосфере, литосфере, атмосфере, гидросфере, космосфере, социосфере, ноосфере (информационная галактика, в том числе и цифросфера).

Универсальность реализации плеромы как структуры-процесса позволяет применить к ее анализу теорию, разработанную корифеем процесса, философом-системосоздателем А.Н. Уайтхедом (1861–1947), который выделил два вида становления изменчивого (текущего) мира: 1) *сращение* – внутреннее конституирование отдельно существующего, направленное к своей финальной (субъективной) цели (final); 2) *переход* – механизм внешней действующей (officient) причины, которая есть бессмертное прошлое, повторяющееся. Первый процесс – сращение – он называет микроскопическим, «превращением просто реальных условий в определенную актуальность», т. е. превращение прошлого в настоящее путем «объективфикации как взаимосогласованной операции абстракции, или элиминации, благодаря которой многие события составляют одну сложную величину» (целостность настоящего). Второй процесс – переход – называется макроскопическим – «это переход от достигнутой актуальности к актуальности в достижении», т. е. переход от реального настоящего к актуальному будущему.

В настоящее время многие отечественные и зарубежные философы считают, что Россия и весь мир переживают сразу два переходных периода: 1) постепенный переход в рамках всего земного шара от биполярного к многополюсному миру, осложненный тем, что США, усвоив иллюзию победы в холодной войне, взяли на себя роль гегемона в современном мире, что создает риски начала третьей мировой войны; 2) второй главной особенностью современного исторического момента является переход всей планеты Земля через важнейший критический этап своего развития: завершился длительный *зоопопуляционный период* и начинается становление психосоциальной формации; это доказали выдающиеся советские ученые С.П. Курдюмов, С.П. Капица, Г.Г. Малинецкий (Капица, 1997. С. 119). Параллельно исследователи астрофизических процессов сделали ряд открытий: *во-первых*, они доказали, что все системы в кризисный период работают «в режиме с обострением», а *во-вторых*, что социумы регулируются не только прошлым, но и будущим – «контурами целесообразного будущего»; *в-третьих*, в этот период проявляется действие *нового регулятора «из будущего»*; исследователи называют таким регулятором материализацию и объективизацию новых идей через появление первых в истории социалистических государств (СССР, а затем и страны социалистического содружества). Старый регулятор программировал массовые кинетические процессы, т.е. *материю* (экономику), чтобы удовлетворять витальные «организменные» потребности зоопопуляции. Новый регулятор начал программировать *смыслы* для удовлетворения психосоциальных потребностей человека в творческой созидательной деятельности. В переходный период смены регуляторов необходимо опираться на *антропный принцип* развития социального государства. Согласно Конституции РФ, наша страна является социальным государством, а это значит, что в нем доминировать должны правда, свобода и социальная справедливость (Сундиев, 2019).

Некоторые философы-аналитики считают, что как раз эти качества и отсутствуют в переходные периоды в социальных государствах. Свобода – это произвол, каприз, нечто неалгоритмизируемое. Человек свободен только внутренне. Никакой внешней свободы не существует. Во внешнем есть лишь причины. Понятие о социальной свободе – это призрак, посредством которого социум пытается манипулировать сознанием человека. Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества. Для русского сознания свобода начинается и заканчивается в свободе быта. Мы знаем бытовую свободу. Нас не интересует политика, ибо политика – это привилегия для немногих и не самых лучших. Нам нужна цифра. Но технике нужна не мысль, а инструкция (Гиренок, 2019).

В противовес этому мнению Л.В. Скворцов считает, что признание свободы в качестве подлинности своего бытия заведет нас в интеллектуальный тупик: истина цивилизационной свободы – это *свобода сохранения*, или *свобода изменения*. Но это самоотрицание «или – или», «третьего не дано». Не этим ли объясняется нарастающая по своим масштабам самодеструкция цивилизационных отношений, обретающая очевидный глобальный характер? Решение грандиозной задачи самосохранения человечества зависит от способности современных государственных мужей к такой встрече, на которой будет побеждать не хитрость рассудка, стремящегося к эгоистической выгоде за счет другого, а общий разум, открывающий путь к утверждению надежной совместной жизни. Это – путь формирования глобального субъекта (Скворцов, 2016. С. 374). Поясним, что, по мнению Л.В. Скворцова, этот путь лежит через цивилизационную плерому, прямо в постцивилизационную эволюцию общества.

Еще меньший оптимизм содержится в книге А.С. Панарина: «*Стратегическая нестабильность является следствием стратегической игры, в которой участвуют две стороны: сильный и слабый, ведущие себя одинаково неадекватно. Неадекватность поведения сильного состоит в безрассудной завышенности его притязаний... Неадекватность поведения слабого состоит в его неготовности вовремя взглянуть в лицо реальности, создаваемой авантюризмом силы*» (Панарин, 2004. С. 10).

Итак, два разных переходных периода, являющихся главными особенностями современного исторического этапа, порождают множественность точек зрения на способы их урегулирования. И даже маленькая толика знакомства с ними дает основания полагать, что главное содержание способов урегулирования возникающих конфликтов заключена в философско-научном, трансдисциплинарном (союз естествознания и гуманитаристики) и междисциплинарном (синтез естественно-научного или гуманитарного знания) сотрудничестве, создающем на основе языковой и научно-образовательной политики, а также политики информационной безопасности (Указ Президента от 5 декабря 2016 г. № 646) не только новые способы управления коммуникацией (сегодня почти каждый вуз страны имеет кафедры управления коммуникацией), но и новые способы программирования смыслов. Над этим предстоит работать кафедрам СКФУ.

Используя накопленный опыт в области разработки КМК и теории культурно-временного управления коммуникацией, доктор филологических наук, профессор О.С. Шибкова и доктор философских наук, профессор О.В. Каширина исследуют вопросы методологии изучения проблем коммуникативного (внутреннего, внешнего и метавнешнего) воздействия на программирование смыслов. Дальнейшее исследование мы связываем с изуче-

нием культурно-измерительного элемента реализации процесса управления коммуникацией, который называется культурой коммуникативного времени. Примерная мировоззренческая парадигма и интеллектуальная технология этого контрольно-культурного измерения разработаны по типу культуры времени, а также по подобию диагноза времени (Каширин, 2006. С. 126). Что же касается содержания российской языковой политики, о которой говорил В.В. Путин, то оно касается программирования смыслов (личностный смысл, общественное значение и плеромно-синтезное, контрольно-культурное содержание) – их внутреннего, внешнего и метавнешнего качества.

Литература

Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. 519 с.

Гиренок Ф. Куда делась свобода? Ноябрь, 2019. Режим доступа: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1570536960>.

Дубров А.П., Пушкин В.Н. Парапсихология и современное естествознание. М. : Соваминко, 1989. 280 с.

Заседание Совета по русскому языку. 5 ноября 2019 г. Москва, Кремль. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986>.

Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М. : Едиториал УРСС, 1997. 283 с.

Каширин В.И. Гуманитарная кризисология: истоки и специфика // Гуманитарий Юга России. 2014. № 2. С. 34–46.

Каширин В.И. Гуманитарная кризисология: истоки и специфика (продолжение) // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3. С. 90–97.

Каширин В.И. Эффект четвертого измерения. Эвристические перспективы четвертого измерения времени. Становление фундаментальной философии многополярности // Гуманитарий Юга России. 2017. № 6. С. 97–108.

Каширин В.И., Каширина О.В. Научно-образовательная сфера: приоритеты междисциплинарного взаимодействия // Социология образования. 2015. № 12. С. 80–94.

References

Vernadsky, V.I. (1988). Philosophical thoughts of a naturalist. Moscow: Nauka. (in Russian).

Girenok, F. (2019). Where did freedom go? November, 2019. Available at: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1570536960>. (in Russian).

Dubrov, A.P., Pushkin, V.N. (1989). Parapsychology and modern natural science. Moscow: Sovaminko. (in Russian).

Meeting of the Russian Language Council. November 5, 2019. Moscow, Kremlin. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986>. (in Russian).

Kapitsa, S.P., Kurdyumov, S.P., Malinetsky, G.G. (1997). Synergetics and future forecasts. Moscow: Editorial URSS. (in Russian).

Kashirin, V.I. (2014). Humanitarian krizisologiya: origins and specifics. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2, 34-46. (in Russian).

Kashirin, V.I. (2014). Humanitarian krizisologiya: origins and specifics (continuation). *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 3, 90-97. (in Russian).

Kashirin, V.I. (2017). Effect of the fourth dimension. Heuristic perspectives of the fourth time dimension. The formation of a fundamental philosophy of multipolarity. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 6, 97-108. (in Russian).

Kashirin, V.I., Kashirina, O.V. (2015). Scientific and educational sphere: priorities of interdisciplinary interaction. *Sotsiologiya obrazovaniya*, 12, 80-94. (in Russian).

Каширин В.И., Каширина О.В. Социальное время и социальное времяведение // Диагноз времени как проблема социальной теории и практики : сб. науч. ст. М.; Ставрополь : Изд-во СГУ, 2006. С. 108–162.

Каширина О.В. Культура времени в современной картине жизни. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2007. 286 с.

Каширина О.В. Практическая философия управления коммуникацией в контексте культуры времени // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 1. С. 13–20.

Леонтьев А.Н., Кринчик Е.П. Некоторые особенности процесса переработки информации человеком. Кибернетика, мышление, жизнь. М. : Мысль, 1964. 511 с.

Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века. М. : Эксмо, Алгоритм, 2004. 640 с.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986. 432 с.

Саган К. Космос: эволюция Вселенной, жизни и цивилизации. СПб. : Амфора, 2004. 525 с.

Скворцов Л.В. Цивилизационные размышления: концепции и категории постцивилизационной эволюции. М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 383 с.

Сундиев И., Фролов А. Трансформация: что делать // Завтра. 2019. № 42 (1349).

Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Высшая школа, 1993. 447 с.

Шибкова О.С. Становление категории «качество»: логика, грамматика, когнитика. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. 161 с.

Kashirin, V.I., Kashirina, O.V. (2006). Social time and social time. *Diagnosis of time as a problem of social theory and practice: A collection of scientific articles*. Moscow; Stavropol: Izd-vo SGU, 108-162. (in Russian).

Kashirina, O.V. (2007). Culture of time in the modern picture of life. Stavropol: Izd-vo SGU. (in Russian).

Kashirina, O.V. (2018). Practical philosophy of communication management in the context of time culture. *Observatoriya kul'tury*, 15, 1, 13-20. (in Russian).

Leontiev, A.N., Krinchik, E.P. (1964). Some features of the process of processing information by humans. *Cybernetics, thinking, life*. Moscow: Mysl'. (in Russian).

Panarin, A.S. (2004). Strategic instability of the 21st century. M.: Eksmo, Algoritm. (in Russian).

Prigozhin, I., Stengers, I. (1986). Order from chaos: A new dialogue between man and nature. Moscow: Progress. (in Russian).

Sagan, K. (2004). *Cosmos: Evolution of the Universe, Life and Civilization*. St. Petersburg: Amfora. (in Russian).

Skvortsov, L.V. (2016). Civilizational reflections: concepts and categories of post-civilizational evolution. Moscow, St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (in Russian).

Syndiev, I., Frolov, A. (2019). Transformation: What to do. *Zavtra*, 42 (1349). (in Russian).

Heidegger, M. (1993). Time and being. Moscow: Vysshaya shkola. (in Russian).

Shibkova, O.S. (2006). The formation of the category “quality”: logic, grammar, cognitive science. Stavropol: Izd-vo SGU. (in Russian).

Поступила в редакцию

15 июня 2020 г.